Томас Баранаускас (Вильнюс)

НОВОГРУДОК В XIII в.: ИСТОРИЯ И МИФ

В ряде работ историков XIX–XX в. утверждается, что первой столицей Великого княжества Литовского был Новогрудок. Такие выводы более характерны для ранней историографии, в первой половине XX в. от таких воззрений ведущие историки отказались [1]. Однако статус первой столицы Литвы приписывается Новогрудку иногда и сейчас, а в белорусской историографии это стало восприниматься как аксиома [2].

В связи с этим встает вопрос: на чем основана версия о Новогрудке как о первой столице Литвы, каким его показывают достоверные источники, что известно о его ранней истории.

Следует отметить, что Новогрудок XIII в. известен по единственному достоверному источнику — Ипатьевской (Волынской) летописи. Другие источники дают лишь косвенную информацию, помогают лучше понять контекст событий вокруг Новогрудка, не упоминая его имени.

Начало истории Новогрудка

По археологическим данным, Новогрудок был основан в XI в. главным образом в ходе дреговичской колонизации [3, с. 66, 106–107]. Исторически он известен лишь с XIII в. Утверждения, что Новогрудок якобы был основан в 1044 г., во время похода киевского князя Ярослава на Литву, являются очевидным недоразумением. Сторонники такой точки зрения (начиная с В.Татищева [4, с. 79]) ссылаются на поздние новгородские летописи, где сказано, что в 1044 г. *«ходи Ярослав на Литву, а на весну заложил Новгород и сделал и»* [5, с. 116; 6, с. 127; 7, с. 20]. Какой город здесь имеется в виду, хорошо видно по более раннему и более полному тексту Новгородской первой летописи старшего извода: *«Ходи Ярослав на Литву; а на весну же Володимиръ заложи Новъгород и сдела его. В лето 6553* [= 1045]. *Заложи Володимиръ святую Софею в Новегороде»* [8, с. 181]. То есть новгородский князь Владимир в Великом Новгороде сделал то же самое, что в 1037 г. его отец в Киеве: *«Заложи Ярославъ город Кыевъ, и церковь святыя Софея сверши»* [8, с. 180]. Очевидно, что «заложение города» означает здесь строительство укреплений. И конечно же, нет никакой связи ни с Новогрудком, ни с походом Ярослава на Литву.

Хотя история Новогрудка XI–XII в. неизвестна, можно предположить, что он, как и большинство других дреговичских земель, входил в состав Туровского княжества [9, с. 13 (карта)], известного позже под названием Полесья. Интересно, что в описании похода русско-татарских войск на Новогрудок в 1275 г. Полесьем называется Новогрудское княжество или его часть (*«Мьстиславъ... шелъ бяшеть от Копыля воюя по Полесью»*) [10, стб. 873]. Принадлежность Новогрудка к Турово-Пинской земле косвенно подтверждает первое упоминание новогрудцев, действующих вместе с ополчениями Пинска и Турова в 1228 г.

Поход 1228 г. был направлен на Каменец, владение волынского князя Даниила Романовича. Инициатива принадлежала пинскому князю Ростиславу, мстящему Даниилу за взятых в плен его детей. Ростислава поддержал Владимир Киевский и Михаил Черниговский. Последний привел также курское ополче-

ние, поэтому возможно, что упоминаемые «новгородци» могли быть и ополчением Новгорода Северского, хотя новогрудская идентификация представляется более вероятной. Об этом можно судить и по порядку перечисления участников похода (*«и Куряны, и Пиняны, и Новгородци, и Туровци»*), и по цели похода, которая предполагает активное участие соседей Пинска [10, стб. 753; 11, с. 1–72].

Несмотря на сосредоточение огромных сил, поход на Каменец закончился неудачно. Даниил с братом Васильком двинулись на Киев и заставили Владимира и Михаила примириться на выгодных условиях. Это означало попадание Пинска в зону влияния волынских Романовичей.

В том же году Романовичи отправились в поход в Польшу, на Калиш, в котором уже вынужден был участвовать и Владимир Пинский. М.Грушевский отнес этот поход к 1229 г. [11, с. 22], однако в летописи сказано, что поход связан с тем, что *«В та ж лета Льстько убьенъ быс»* и Конрад Мазовецкий попросил помощи в борьбе за власть. Поляки участвовали уже в походе Романовичей на Киев, и, очевидно, вскоре последовавший поход Романовичей в Польшу был платой Конраду за услугу. Так как Лешек умер 23 ноября 1227 г., можно предположить, что летописец здесь имел в виду сентябрьский 6736 год, в котором должны поместиться и смерть Лешека, и война Романовичей с пинско-киевской коалицией, и поход на Калиш. Однако Романовичи, видимо, не доверяя ему полностью, оставили его в Бресте *«стеречи земле от Ятвязь»*. В то время у Бреста появились литовцы, возвращающиеся из похода на Польшу и не опасающиеся волынских князей, с которыми были в мирных отношениях (*«мняще мирни суще»*). Однако Владимир Пинский позволил себе не считаться с политикой волынских князей. *«Оже есте мирни, но мне есте не мирни»*, — заявил он литовцам и разбил их [10, стб. 754]. Этот факт свидетельствует о напряженных отношениях между князями Туровской земли и литовцами.

Союзнические взаимоотношения Литвы и Волыни сохраняются и в дальнейшем. Весной 1238 г. *«Данилъ же возведе на Кондрата Литву Минъдога, Изяслава Новгородьского»* [10, стб. 776]. Здесь еще очевидна независимость друг от друга Миндаугаса и новогрудского князя Изяслава — их связывает лишь воля Даниила.

Подчинение Новогрудка Литве

1238 г. стал роковым для Руси и Литвы. На Русь навалилась волна монгольского нашествия, вскоре превратившая в руины многие цветущие города. В Литве же, наоборот, прекратились междоусобицы и утвердилась единоличная власть Миндаугаса. Об усобицах внутри Литвы, предшествовавших этому, известно немногое [10, стб. 858]. Однако период усобиц, видимо, отражает десятилетний перерыв литовских военных походов. В первые десятилетия XIII в. они проводились фактически ежегодно, а в 1229–1237 г. известны лишь 2 военных похода литовцев (в 1230 и 1234 г.) [12, с. 177]. В то же время наблюдается независимость от Литвы ятвягов [10, стб. 754, 776], хотя еще в 1209 г. они действовали вместе с Литвой [10, стб. 721] и в дальнейшем будут ей принадлежать.

После похода войск Миндаугаса на Мазовию в 1238 г. открывается новый этап военной активности Литвы. Разоренная монгольским нашествием Русь стала наиболее легкой добычей для литовских отрядов. Никогда в истории литовские набеги на Русь не проводились с такой интенсивностью, как в 40-е г. XIII в. Именно в это десятилетие в судьбе Новогрудка происходит перелом — он оказывается под властью литовских князей. В 1249 г. Даниил уже нападает на Новогрудок как на владение Литвы.

Каким образом Новогрудок оказался под властью Литвы, можно судить по рассказу о сыне Миндаугасе Вайшалгасе: *«Воишелкъ же нача княжити в Новегородече, в поганстве буда, и нача проливати крови много, убивашеть бо на всякъ день по три, по четыри; которого же дни не убьяшеть кого печаловашеть тогда, коли же убьяшеть кого, тогда веселъ бяшеть. Посем же вниде страхъ Божии во сердце его, помысли в собе, хотя прияти святое крещение. И крестися ту, в Новегородце, и нача быти во крестьянстве»* [10, стб. 858–859]. Этот текст отражает насильственное вокняжение Вайшалгаса в Новогрудке, за которым следовали жесткие репрессии.

Перемена политики Вайшалгаса в дальнейшем, возможно, связана с тем, что в начале своего правления он был еще малолетним, и все решения от его имени принимали назначенные Миндаугасом регенты [13, с. 8, 16, 20–21, 93–97]. Он же был склонен к более мягкой политике, которая его отцу явно не нравилась. Об этом можно судить по характеристике их взаимоотношений в конце жизни Миндаугаса: *«Отец же его Миндовгъ укаривашеться ему по его житью. Онъ же на отца своего нелюбовашеть велми»* [10, стб. 859].

Трудно сказать, что случилось с бывшим Новогрудским князем Изяславом. Зимой 1254–1255 г. упоминается некий Изяслав Свислочский [10, стб. 831]. Если это тот же Изяслав, который в 1238 г. еще княжил в Новогрудке, можно было бы предположить, что он сохранил жизнь, но был оттеснен на Свислочь. Однако это мог быть и совсем другой Изяслав.

Точную дату присоединения Новогрудка к Литве установить трудно, но можно предположить, что это случилось вскоре после разорения западной Руси Батыем в 1240-1241 г. Уже во второй половине 1241 г., во время похода Даниила на Бакоту, его брату Васильку пришлось остаться *«стеречи земле от Литвы»* [10, стб. 792]. Это свидетельствует о немедленном наступлении Литвы на разоренную татарами Русь, что согласуется с исторической традицией, отразившейся в Литовских летописях. В них подчинение Новогрудка Литве связывается с последствиями похода Батыя: *«А в тот час доведался князь великии Монтивил жомоитскии, иж Руская земля спустела и рускии князи розогнаны, и он, давши воиско сыну своему Скирмонту, и послал с ним панов своих радных (...). И зашли за реку Велю, и потом перешли реку Немон и нашли в чотырех милях от реки Немна гору красную, и сподобалася им, и вчинили на неи город и назвали его Новъгородок»* [14]. Имена и детали здесь недостоверны, но суть, видимо, отражена верно [15, с. 133].

Урегулирование взаимоотношений между Литвой и Волынью после подчинения Новогрудка Литве произошло накануне Ярославской битвы (17 августа 1245 г.). Готовясь к решающей схватке с Ростиславом Михаиловичем, Романовичи просили о помощи не только Конрада Мазовецкого, но и Миндаугаса: *«Данило же и Василко посласта в Литву помощи просяща. И послана быс от Миндога помощь. Не дотягшу же обоимъ, явлешу же Богу помощь свою над ними»* [10, стб. 801]. Такая просьба была бы невозможна без заключения мира, который, видимо, был скреплен браком Даниила с племянницей Миндаугаса (она упоминается как жена Даниила в 1249 г.). Однако союз с Литвой не принес Романовичам той пользы, на которую они надеялись (на битву литовцы опоздали). Вероятно, и литовцы остались недовольны предпринятым походом (как это было в 1255 г.). В конце 1245 г. Плано Карпини, провожаемый Васильком Романовичем в Киев, сообщает о новых набегах литовцев [16].

Зимой 1245–1246 г. Василько Романович по предложению Конрада Мазовецкого отправился вместе с ним в поход на ятвягов [10, стб. 808]. Ввиду того, что акт

разграничения прусских епископств от 29 июля 1243 г. к Литве уже относит не только земли ятвягов, но и галиндов (границы прусских епископств, проводимые реками Пасленка и Преголя, доходили до границ литовцев) [17, с. 108–109], этот поход затрагивал и интересы Литвы. Правда, тогда его пришлось отменить из-за неблагоприятных погодных условий. Но зимой 1248–1249 г. совершенный совместный поход на ятвягов Даниила и Василька Романовичей и польских князей [10, стб. 810–813] должен был окончательно нарушить мир с Литвой.

Новогрудок во время войны 1249–1254 г.

Зимой 1248–1249 г. Миндаугас послал в поход на Смоленск своих племянников Таутвиласа, Гедивидаса и их дядю Викинтаса, разрешив им всю добычу оставить себе [10, стб. 815]. Однако они зашли значительно дальше, на Протве разбили Московского князя Михаила, но потерпели поражение у Зубцова [18]. Развал литовского войска вызвал гнев Миндаугаса. Разбитые князи решили бежать на Волынь к Даниилу.

Даниил видел здесь хорошую возможность расширить свою ятвяжскую кампанию. Он снова обратился к своим польским союзникам: *«время есть христьяномь на поганее, яко сами имеют рать межи собою»*. Поляки, однако, уклонились от похода. В то же время литовские беженцы нашли поддержку в Ятвягии и в половине Жемайтии (вотчина Викинтаса), что дало возможность Даниилу решить ятвяжский вопрос дипломатическими средствами.

Сами же Романовичи напали на Новогрудок: *«Данило же и Василько поидоста к Новугороду. Данилъ же и Василько, брат его, розгадав со сыномъ брата си, посла на Волковыескь, а сына на Услонимъ, а самъ иде ко Здитову, и поимаша грады многы и звратишася в домы»* [10, стб. 816].

Сразу после похода к Таутвиласу пришло известие, что Ливонский орден его поддержит. Таутвилас с доверенным ему войском Даниила пробился через владения Миндаугаса в Ливонию. В дальнейшей борьбе Новогрудок теряет свое значение. К нему внимание вновь обращается, лишь когда Таутвилас потерпел поражения у Ворутского замка (1251 г.) и в Жемайтии. Тогда он снова обращается к Даниилу: *«Тевтивилъ присла Ревбу река поиди к Новугороду. Данило же поиде с братомъ Василкомъ, и со сыномъ Лвом, и с Половци со сватомъ своимъ Тегакомъ, и приде к Пиньску. Князи же Пиньсцеи имеяху лесть, и поя е со собою неволею на воину»*. Видно, вместе с Новогрудком в зависимость от Литвы попал и Пинск. Однако охраняемая Литвой граница проходила севернее, у озера Выгонощанского и реки Щары (т.е. там, где и в XVI в. проходила граница между Вядзской волостью Пинского повета и Липской волостью Новогрудского повета [19]): *«И послаша стороже Литва на озере Зьяте, и гнаша чересъ болота до рекы Шарье»*. После неожиданного нападения литовцев Даниил с трудом вновь сплотил свое войско (пинские князи отказывались пойти дальше), спешно ограбил Новогрудскую землю и вернулся назад (*«Наутрея же плениша всю землю Новгородьскую, оттуда же возвратишася в домъ свои»*) [10, стб. 818–819].

Отметив неожиданное отсутствие ятвягов в походе (*«Ятвязем же поехавши на помощь Данилу, не могоша доехати, зане снези велице быша»*) [10, стб. 819], летописец описывает поход людей Даниила на Гродно. Поход состоял из двух этапов: на первом «люди» Романовичей взяли Гродно (Даниил возвратился из Бель-

ска), а на втором Романовичи *«посласта многы своя пешьце и коньникы на грады ихъ и плениша всю вотчину ихъ страны ихъ. Миндог же посла сына си, и воева около Турьска»*. Из текста непонятно, чья страна и вотчина имеются в виду. Эдвардас Гудавичюс считает ограбленные территории вотчиной Миндаугаса [20], однако, летописец мог иметь в виду и владения гродненцев, литовцев или же предавших Даниила ятвягов. Миндаугас не участвовал в этих событиях непосредственно, действовал через сына (видно, Вайшалгаса). Упоминание Турийска говорит о том, что войска Романовичей двигались от Гродно по побережью Немана в направлении Новогрудка, что представляло угрозу Вайшалгасу и его княжеству.

В то же время Миндаугас заставил бежать Таувиласа из Жемайтии, возвратил жемайтов и ятвягов под свою власть и предложил Даниилу мир: *«Тогож лета присла Миндовгъ к Данилу, прося миру и хотя любви о сватьстве. Тогда же Тевти(ви)лъ прибеже к Данилу, и Жемойть, и Ятвязь река, яко Миндовгъ убеди я серебром многимъ, Данилу же гнев имеющю на не»* [10, стб. 819–820]. Переход ятвягов на сторону Миндаугаса, возможно, произошел уже накануне новогрудского похода Даниила, что объяснило бы не только уклонение ятвягов от участия в походе, но и следовавший потом поход волынян на в значительной мере ятвяжское Гродненское княжество (участие ятвягов в этом походе уже не предполагалось).

Несмотря на предложенный Миндаугасом мир, Даниил в конце 1252 г. еще раз отправился на Новогрудок: *«Данилови же пошедшу на воину, на Литву, на Новъгородокъ, бывшю раскалью»* [10, стб. 828–829]. Это третий и последний новогрудский поход Даниила.

Княжение Романа Данииловича в Новогрудке

Война Даниила и Миндаугаса закончилась миром 1254 г., который от имени отца заключил Вайшалгас: *«Потом же Воишелкь створи миръ с Даниломъ и выда дщерь Миндогдову за Шварна, сестру свою, и приде (в) Холмъ к Данилу, оставивъ княжение свое, и восприемь мниский чинъ, и вдасть Романови, сынови королеву, Новогородъкъ от Миндога и от себе, и Вослонимъ, и Волковыескь, и все городы»* [10, стб. 830–831]. Другими словами, Новогрудок и все подвластные ему города (Слоним, Волковыск и др.) были даны Роману Данииловичу от Миндаугаса как верховного правителя и от Вайшалгаса как непосредственного правителя [21]. Это пожалование в свою очередь ставило Романа в вассальную зависимость от Миндаугаса, как видно из дальнейших событий, в частности, из заявления Миндаугаса 1255 г.: *«...прислаша Миндовгъ к Данилу: пришлю к тобе Романа и Новогородце, абы пошелъ ко Возвяглю»* [10, стб. 838].

Это хорошо вписывалось в общую политику урегулирования взаимоотношений Миндаугаса со своими соседями после войны 1249–1254 г. — периферийные земли своего государства Миндаугас передал в ленное управление бывшим врагам. Дарственной грамотой, выданной сразу после своей коронации в июле 1253 г., Миндаугас пожаловал в лен Ливонскому ордену земли в западной части Литовского государства — часть Жемайтии (волости Колайняй у Юрбаркаса, Каршува, Кражяй, половину волостей Расейняй, Лаукува, Бетигала, Арёгала), половину Дайнавы (или Ятвягии, включая волости Вейсеяй и Павейсининкай — видимо, из другой половины), а также всю Надровию. Земли жаловались при условии, что

братья Ливонского ордена *«сами и со своими силами, на свой счет материальным мечем, помощью и советом* (auxilio et consilio) *будут вечно помогать нам и законным наследникам нашего королевства против наших врагов и врагов веры»* [22]. Из такого условия следует, что упомянутые земли теоретически не исключались из состава Литовского государства.

В пожаловании 1253 г. было резервировано место для будущих владений епископа Литвы Кристиана — в 1254 г. ему были пожалованы другие половины волостей Расейняй, Лаукува и Бетигала в Жемайтии. Чередование земель ордена и литовского епископа должно было поддерживать статус всего комплекса этих земель как составной части Литвы.

Есть основания думать, что мир с Даниилом стоил Миндаугасу не только пожалования Новогрудка в лен Роману Даниловичу. Видимо, пришлось уступить часть Ятвяжской земли и Даниилу. Претензии Даниила и Земовита Мазовецкого на треть ятвяжских земель были признаны Тевтонским орденом в Рацёнжском договоре от 24 ноября (?) 1254 г. [17, с. 221–222]. Зимой 1254–1255 г. Даниил совершает поход на ятвягов. Характерно, что в нем принимал участие Роман Даниилович с новогрудцами, а это значит, что поход Даниила был согласован с Миндаугасом: *«Поиде Данило на Ятвязе с братомъ и сыномъ Лвомъ, и с Шеварномъ, младу сущу ему, и посла по Романа в Новъгородокъ и приде к нему Романъ со всими Новгородци, и со тцемь своимъ Глебомъ, и со Изяславомъ, со Вислочьскимь, и со сее стороны приде Сомовитъ со Мазовшаны, и помочь от Болеслава со Судимирци и Краковляны»* [10, стб. 831]. Поход окончился победой Даниила и наложением дани на ятвягов [10, стб. 835–836].

Следует отметить, что совершенно аналогично реальную власть на пожалованную Миндаугасом Жемайтию приходилось устанавливать и Ливонскому ордену, однако, с меньшим успехом. Жемайты оказали упорное сопротивление, причем стратегической целью восставших жемайтов, как отмечается в Ливонской рифмованной хронике, была не независимость, а возвращение Жемайтии под власть Миндаугаса [23].

Здесь можно заметить на первый взгляд парадоксальное явление: чем тесней была связь пожалованных территорий с центром государства, тем трудней было привести в действие дарственные грамоты.

На самом деле никакого парадокса здесь нет — всё зависело от условий вхождения этих территорий в состав Литовского государства. Жемайты были литовцами (*«литовцы, которые называются жемайтами»*), как их неоднократно называет Ливонская рифмованная хроника [24], полноправными гражданами государства. Переход под власть Тевтонского ордена означал понижение их статуса. Ятвяги входили в состав Литвы как периферийное, не совсем полноправное и неокончательно интегрированное в структуру государства племя, однако, тоже на более-менее добровольных основах. Они противились изменению их статуса, но ненастойчиво. Новогрудок же был включен в состав Литвы путем насилия, и поэтому не оказывал никакого сопротивления передаче города представителю традиционной для него династии Рюриковичей. Жители Новогрудка от такой реформы лишь выигрывали.

Взаимоотношения и внутренние противоречия между Литвой, Новогрудком и Волынью во время правления Романа Даниловича в Новогрудке проявились во

время похода на подвластный татарам Возвягль (в Киевском княжестве) летом 1255 г. Даниил и Василько первыми отправились в поход, к ним на помощь должны были прийти посланные Миндаугасом литовцы и новогрудцы во главе с Романом. Однако Даниил и Василько литовцев не дождались, взяли город, сожгли его, поделили между собой пленников и вернулись домой.

Пришедшие литовцы нашли лишь пустое городище, где грабить было уже нечего. Это их разозлило, т.к. они рассчитывали на добычу: *«Романови же пришедшу ко граду и Литве, потокши на град Литве ни ведеша нишьто же, токмо и головне ти псы течюще по городищу. Тужаху же и плеваху, по своискы рекуще «Янда», взывающе богы своя Андая и Дивирикса, и вся богы своя поминающе, рекомыя беси»* [10, стб. 839].

Видимо, не посмевший возвращаться назад с разгневанным войском, Роман решил погостить у отца, а войско должно было возвратиться домой. Литовцы же на обратном пути опустошили Луцкую землю, потом потерпели поражение. Загнанные к озеру, литовцы пытались переплыть его, но тонули, ибо за одного коня пытались держаться десять мужей. Следовательно, в поход отправилось литовское войско в полном составе — не только княжеские дружины, но и пешее народное ополчение. Это все-таки были *«людие Миндогови»* [10, стб. 840], которые считали возможным не считаться с волей Романа и даже вести самостоятельную политику по отношению к Волыни. На долю Романа выпала тяжелая участь быть вассальным князем в государстве, которое не терпело князей нелитовского происхождения. Впоследствии эта дипломатическая победа отца стала причиной гибели Романа.

Новогрудок под властью Вайшалгаса во второй раз

В 1258 г. татарский воевода Бурундай заставил Даниила принять участие в походе на Литву. Даниил уклонялся, зная, чем это грозит его сыну и мирному договору 1254 г. Не имея возможности воспротивиться требованию татар, вместо себя он послал своего брата Василька. Как только Василько начал военные действия против Литвы, Роман стал заложником в руках Вайшалгаса и Таутвиласа, которые руководили обороной литовских владений. Зря искал Василько своего племянника по Литовской и Нальшянской землям. Зря и Даниил отправился в поход на Волковыск, *«бо еха ко Волковыску, ловя яти ворога своего Вышелка и Тевти(ви)ла, и не удуси ею в городе, искаше ею по стаемь, посылая люди, и не обрете ею, беста бо велику лесть учинила — я Вышелгъ сына его Романа»* [10, стб. 847]. Это — последнее известие о Романе Данииловиче, грустную судьбу которого нетрудно предугадать.

Разорение Литвы татарами с участием Романовичей свело на нет сравнительно хорошие отношения между Литвой и Волынью, завязавшиеся после мирного договора 1254 г. Часть ятвяжских земель, ранее подчинившихся Даниилу, 7 августа 1259 г. Миндаугас передал Тевтонскому ордену, а другую часть оставил себе [22, с. 69–70].

Сразу после устранения Романа Данииловича Новогрудок возвратился в руки Вайшалгаса, хотя тот уже был пострижен в монахи. На берегу Немана (видимо, в Лаврышеве) он построил себе монастырь *«межи Литвою и Новымъгородкомъ»*, из которого и управлял Новогрудским княжеством последние пять лет правления Миндаугаса [10, стб. 859].

Новогрудок после убийства Миндаугаса

Осенью 1263 г. в результате заговора Даумантаса и Тренёты был убит Миндаугас. Бурные события, развернувшиеся после этого, привели новогрудского князя Вайшалгаса на трон Литвы. Сначала, когда власть перешла в руки Тренёты, Вайшалгас должен был спасаться бегством в Пинск. Однако Тренёта удержался у власти лишь полгода и был убит конюшими Миндаугаса весной 1264 г. Услышав о гибели Тренёты, Вайшалгас сразу вернулся в Новогрудок, а оттуда с пинским и новогрудским войсками отправился в Литву занимать трон [10, стб. 859–861].

Хотя первоначальной опорой Вайшалгаса были новогрудские и пинские ополчения, важнейшие события разыгрывались в Литовской земле и в других землях Аукштайтии. В Литве заговорщики против Тренёты уже подготовили почву к признанию сына Миндаугаса великим князем: *«Литва же вся прияша и с радостью своего господичича»*. Радость, однако, не была всеобщей — православный князь не пользовался популярностью в Литве. В Девилтовской и Нальшянской землях замки пришлось брать силой, причем сила эта была в большей части иностранного происхождения. Врагов Вайшалгас избил *«бещисленое множество»* [10, стб. 861]. Участник заговора против Миндаугаса нальшянский князь Даумантас в 1265 г. сбежал в Псков *«съ 300 Литвы с женами и с детми»* и был избран псковским князем [8, с. 85].

Сторонники у Вайшалгаса, конечно, были и в Литве —в первую очередь верные соратники его отца, которым переход власти в руки другой династии ничего хорошего не обещал. По Новгородской первой летописи, Вайшалгас *«съвкупи около себе вои отца своего и приятели, помоливъся кресту честному, шедъ на поганую Литву, и победи я, и стоя на земли ихъ все лето»* [8, с. 85]. Однако победа, как свидетельствует Ипатьевская летопись, стоила Вайшалгасу и Литве независимости, так как для этой борьбы была необходима помощь волынских князей: *«и поча ему помагати Шварно князь и Василко, нареклъ бо бяшеть Василка отца собе и господина»* [10, стб. 862].

Наречение Василька Романовича отцом означало признание вассальной зависимости Литвы от Волынского княжества (Даниил Галицкий в этих событиях уже не принимал участия, так как заболел и вскоре умер). Более того, согласно Новгородской первой летописи, Вайшалгас обязался через три года отречься от власти и вернуться в монастырь [8, с. 84–85]. Таким образом, Вайшалгас действовал как ставленник волынских князей и должен был подготовить почву к переходу Литвы под их власть.

Наметился и кандидат на трон Литвы — Шварно Даниилович, за которого в 1254 г. Вайшалгас выдал замуж свою сестру. Он остался в Литве, и после подавления оппозиции в литовском походе 1265 г. на Польшу принимали участие и отряды Шварна. Ипатьевская летопись в связи с этим характеризует его как соправителя Вайшалгаса: *«княжащу Воишелкови во Литве и Шварнови, иде Литва на Ляхы воевать, на Болеслава князя, идоша мимо Дрогичинъ, слуги же Шварновы идоша с ними же и воеваша около Скаришева и около Визъльже и Торьжку, и взяша полона много»* [10, стб. 864].

Шварно, однако, не пользовался большим влиянием в Литве. Между волынскими князями и галицким князем Львом Данииловичем шли споры о том, кому

должна достаться Литва. Старший брат Шварна Лев Даниилович считал себя более подходящим кандидатом на литовский трон. Позже, в 1267 г., он даже убьет Вайшалгаса за то, что тот *«бяшеть далъ землю Литовьскую брату его Шварнуви»* [10, стб. 868].

Как соправитель Вайшалгаса Шварно не имел влияния на внешнюю политику Литвы. За участие в походе на Польшу ему оставалось лишь неубедительно объясняться польскому князю Болеславу: *«не воевалъ язь тебе, но Литва тя воевала»*. Однако Болеслав не склонен был простить его: *«я на Литву не жалуюс, оже мя воевал немирник мои, а воевал мя тако и гораздо, но на тя жалую»*. Это явилось причиной похода Болеслава на Холм — волынскую вотчину Шварна. Шварно во время переговоров с Болеславом и во время похода Болеслава на Холм был в Новогрудке (*«тогда же Шварнови сущю в Новегородче»*) [10, стб. 864]. Втянутый в войну с Болеславом, Шварно вынужден был спешно возвратиться в Холм (*«посем же Шварно приеха из Новагородка вборзе»*), чтобы вести тяжелую борьбу с Болеславом (в 1266 г.). Можно сделать вывод, что Новогрудское княжество Вайшалгас передал своему соправителю и намеченному наследнику Шварну. Новогрудок, таким образом, в 1264–1267 г. можно считать резиденцией субмонарха Литвы.

Однако положение этого силой навязанного Литве субмонарха было весьма шатким. Как только к началу 1267 г. Шварно успел урегулировать конфликт с Болеславом, возникший, по сути дела, из-за его бессилия в роли субмонарха Литвы, к нему пришло известие, что Вайшалгас, согласно своему обязательству, уступает ему всю власть в Литве и возвращается в монастырь. Это сообщение не обрадовало Шварна, чувствовавшего себя в Литве неуверенно: *«Шварно же моляшеться ему по велику, абы еще княжил с ним в Литве, но Воишелкъ не хотяшеть. Тако река: согрешилъ есмь много перед Богомъ и человекы — ты княжи, а земля ть опасена. Шварно же не може умолити его, и тако нача княжити в Литве, а Воишелкъ иде до Угровьска в манастырь...»* (в Холмском княжестве) [10, стб. 867]. Вскоре (18–23 апреля 1267 г.) Вайшалгас был убит Львом Даниловичем.

Не зря опасался Шварно власти в Литве — погубившая десять лет назад его брата Романа, с трудом принявшая православного Вайшалгаса, Литва не была готова подчиниться чужому князю. Это не имело прецедента в истории средневековой Литвы. Княжение Шварна в Литве было коротким, летописец умалчивает подробности, только кратко обобщает: *«Княжащю же по Воишелце Шварнови в Литовьскои земли, княжив же немного лет, и тако преставися. И положиша тело его въ церкви святыа Богородица близъ гроба отня. Посем же нача княжити в Литве окаанныи, безаконныи, проклятыи и немилостливыи Троидени...»* [10, стб. 868–869].

Смерть Шварна в Холме говорит о том, что умер он, будучи изгнанным из Литвы «окаянным» Трайдянисом. В дальнейшем рассказе летописца находим намек на вооруженную борьбу между Трайдянисом и волынскими князями: *«князь Василко убил на воинахъ 3 браты Троиденеви»* [10, стб. 871]. Так как смерть и Шварна, и Василька относится к 1269 г. [11, с. 47], упомянутые войны могли идти только во время княжения Шварна в Литве (1267–1269 г.). Это княжение представляется, скорее, борьбой за власть в Литве, чем реальным правлением. Наверное, прав был Ежи Охманьски, считавший, что говорить о реальном княжении Шварна в Литве нет оснований [25, с. 157–158].

В сентябре 1269 г. волынская проблема в Литве была решена. С нападения на Куявию начинается период активной наступательной политики Литвы против Тевтонского ордена и его союзников, что характерно для правления Трайдяниса [26, с. 45–46].

Дальнейшая судьба Новогрудка

Во время правления Трайдяниса Новогрудок упоминается лишь два раза в связи с татарско-русскими походами на Новогрудок (1275 и 1277 г.).

Зимний поход 1275 г. был организован Львом Данииловичем, который хотел отомстить Трайдянису за опустошение Дрогичина. Целью похода был не Новогрудок, а Литва, однако, обстоятельства вынудили ограничиться Новогрудком.

С помощью татарского хана Менгу-Тимура была сплочена огромная антилитовская коалиция, в которую входило татарское войско под предводительством воеводы Ягурчина, а также отряды заднепровских князей — Романа Брянского, Глеба Смоленского и *«инныхъ князии много, тогда бо бяху вси князи в воли в татарьскои»*. В поход отправились и князи галицко-волынские, а также пинские и туровские. Соединившись с татарами у Слуцка, они двинулись прямо к Новогрудку. Однако у его стен между союзниками произошел конфликт. Лев с татарами, тайком от братьев, не дождавшись заднепровских князей, занял Новогрудок, кроме детинца. Другие князи, оставленные без добычи и славы, рассердились *«про то, оже не потвори ихъ людми противу себе»*. Это сорвало намеченный поход на Литву — обиженные союзники возвратились домой [10, стб. 871–874].

Ответные меры Трайдянис предпринял в духе своей обычной политики. Сосредоточивая свое внимание на ударах по Тевтонскому ордену и на поддержке восстаний балтских племен (пруссов, земгалов) против Ордена, он и оборону литовских интересов в Новогрудской земле видел в балтской колонизации края. В 1276 г. *«придоша Пруси къ Троиденеви из своея земле неволею пред Немци. Онъ же прія я к собе и посади чясть их в Гродне, а часть ихъ посади у Слониме»* [10, стб. 874]. В дальнейшем увидим, что пруссы успешно обороняли и Волковыск. Расселение пруссов и бартов было гораздо более широким, чем говорит летопись — об этом можно судить по топонимике [27] и по присутствию бартов (бортев) уже как крестьянского сословия во многих великокняжеских имениях XVI в. [28].

Галицко-волынские князи попытались воспротивиться колонизации края: *«Володимеръ же, сдумавъ со Лвом и с братом своимъ, послаша рать свою ко Вослониму, взяста е* [пруссов]*, а быша земле не подъседале»* [10, стб. 874]. Однако зимой 1277–1278 г. во время похода галицко-волынских князей на Литву прусские колонисты доказали свою верность Литовскому государству. Поход был задуман татарским ханом Ногаем якобы в поддержку галицко-волынских князей в их борьбе против Литвы. Но помощь была непрошенной и несвоевременной, так как галицко-волынские князи уже пришли к мирному соглашению с Литвой. Намереваясь напасть на Новогрудок, они узнали, что он уже ограблен татарами, и повернули в направлении Гродно. Однако у Волковыска пруссы и барты напали на их войско, ночующее после ограбления окрестностей. Многие были перебиты, другие попали в плен. Галицко-волынские князи обложили город, взяли приступом у его ворот стоявшую каменную башню, которую обороняли пруссы. Не имея дос-

таточно сил для дальнейшего штурма, галицко-волынские князи пришли к соглашению с пруссами, что за освобождение из плена своих бояр отступят от города. Так закончился последний известный поход галицко-волынских князей на Литву [10, стб. 876–878].

Локальные столкновения еще некоторое время продолжались. Так, в 1289 г. *«Литовьскии князь Будикидъ* [= Бутигейдис] *и брат его Будивидъ* [= Бутивидас] *даша князю Мьстиславу город свои Волъковыескь, абы с ними миръ держалъ»* [10, стб. 933]. На каких основаниях был дан этот город — неизвестно, как неизвестно, сколько времени Мстислав владел Волковыском (вряд ли это продолжалось долго).

С начала XIV в. Новогрудская земля прочно закрепляется за Литвой. Литва во времена Гедиминаса начинает наступление на Волынь, отодвигая все территориальные споры далеко на юг от своих границ. В конце 1316 — начале 1317 г. Новогрудок стал центром учрежденной тогда православной митрополии Литвы [29, с. 126], что означает рост его значения в управлении литовских владений на Руси. Наряду с этим Новогрудок становится ареной религиозных экспериментов великих князей литовских. В 1312 г. Витянис построил в Новогрудке католический костел для миссионеров францисканского ордена. Это была первая попытка Витяниса воплотить в жизнь свои намерения крестить Литву [30]. В 1314 г. она навлекла на Новогрудок поход тевтонских рыцарей [31], которые сожгли этот костел, так как крещение Литвы лишило бы их повода воевать с Литвой. Однако это уже другая страница истории Новогрудка.

Место Новогрудка в политической системе Литвы

Обобщим факты, имеющие отношение к вопросу о «столичности» Новогрудка. Во всех событиях времен Миндаугаса явно отразилась периферийность Новогрудка в структуре Литовского государства. В междуусобной войне между Таутвиласом и Миндаугасом Новогрудок играет второстепенную роль. Нападения на него совершаются лишь в начальной стадии войны, когда еще не была сплочена коалиция против Миндаугаса, и в заключительной, когда эта коалиция распалась.

Миндаугас никогда не управлял Новогрудком непосредственно, а только через своих вассалов, т.е. через своего сына Вайшалгаса и некоторое время через Романа Даниловича. Данные об управлении Новогрудком через вассалов полностью исключают предположение, что он мог быть столицей во времена Миндаугаса. Совершенно невозможна передача столицы в лен князю чужой династии. Не сохранилось ни одного достоверного свидетельства о том, что Миндаугас вообще когда-нибудь лично посещал Новогрудок. Это, конечно, не исключает такой возможности, но чисто теоретическая возможность не меняет выводов о значении Новогрудка для Миндаугаса.

В годы правления в Литве бывшего новогрудского князя Вайшалгаса (1264–1267 г.) Новогрудок становится резиденцией субмонарха и наследника трона Шварна Даниловича. Однако Шварно был навязан Литве внешней силой, не имел в ней ни влияния, ни авторитета. Перемещение столицы Литвы в Новогрудок в данной ситуации тоже не представляется возможным, хотя вполне вероятно, что он стал последней опорой Шварна (1267–1269 г.), вытесняемого из Литвы Трайдянисом.

Новогрудок явно отличается от собственно Литовской земли и не считается ее частью. Так, Вайшалгас в 1258 г. *«приде опять в Новъгородокъ, и учини собе манастырь на реце, на Немне, межи Литвою и Новымъгородкомъ, и ту живяше»* [10, стб. 859]. Положение монастыря «между Литвой и Новогрудком» указывает на положение Новогрудка за пределами собственно Литвы. То же самое отмечается и в летописном рассказе о походе на Новогрудок в 1275 г., где говорится о плане татар и русинов *«вземше Новъгородокъ, тоже потомъ поити в землю Литовьскую»* [10, стб. 873–874].

Изменения в этом отношении не произошли и в XIV в. В описании похода Тевтонского ордена на Новогрудок в 1314 г. Петр Дусбург считает Новогрудок землей кривичей: *«…пошли на землю Кривичей и тот город, который называется Малым Новгородом, взяли…»* (venit ad terram Criwicie, et civitatem illam, que parva Nogardia dicitur, cepit) [31, с. 180]. В 1361 г. Виганд Марбургский отмечает, что Делятичи (у Немана, к северу от Новогрудка) находятся на Руси: *«В лето 1361 (…) перешли в Русь, в землю Делятичи…»* (Anno 1361 (…) transeunt in Russyam in terram Delitcz) [32, с. 527 (§52)]. В вегеберихте 1385 г. в свою очередь подтверждается принадлежность Делятичей к Новогрудской земле: *«до Делятичей, королевского двора в земле Новогрудской»* (bis czu Dolletitsch des koninges hoff im lande czu Nowgarthen) [33, с. 704]. К Руси Виганд Марбургский относит и Гродно в описании похода 1364 г.: *«…Маршалек созывает войско иностранцев для обложения Гродна, намереваясь идти также против русинов»* (marschalkus convocat copiam de longinquis in obsidionem Garten, temptans eciam super Rutenis) [32, с. 544 (§57)].

Положение стало меняться лишь в XV–XVI в., когда Новогрудская земля уже на столько была интегрирована в Литовское государство, что стала восприниматься как часть собственно Литвы [34, с. 206–211]. Однако этот факт не следует переоценивать, ибо всегда существовало и более узкое понимание границ Литвы, не включающей Новогрудка [35]. Тем более неправомерно принадлежность Новогрудка к Литве в узком смысле переносить в более древние времена.

Рождение мифа

На чем основана версия о Новогрудке как о первой столице Литвы? Как столица Литвы — Новогрудок — впервые изображена в Литовской летописи третьей редакции (в так называемой Хронике Быховца), составленной около 1520–1525 г. [36, с. 26–38]. Эта версия повторяется в произведениях Мацея Стрыйковского, который ссылался на доступный ему список Литовской третьей летописи.

Во второй редакции Литовской летописи (около 1515 г.) о Новогрудском княжестве рассказывается лишь как о независимом владении, управляемом князями, пришедшими из глубины Литвы (Жемайтии). Со смертью легендарного Рынгольта (Римгаудаса) рассказ о Новогрудском княжестве заканчивается. Оно попадает в состав владений литовского князя Швянтарагиса, столицей которых была Кернаве. Именно вокруг Кернаве, согласно исторической традиции Литовской летописи, объединялись литовские земли. Уже во времена прадеда Швянтарагиса Гирюса (или Живинбутаса) в состав владений Кернавских князей была включена Жемайтия [37].

Приписание роли столицы Литвы Новогрудку в Хронике Быховца связано с включением в нее фрагментов из Ипатьевской летописи о Миндаугасе и его сыне Вайшалгасе. Перед автором хроники неизбежно встал вопрос: куда поместить эти выдержки из Ипатьевской летописи. Легендарная история Литвы почти не имела точек соприкосновения с реальной историей, известной по Ипатьевской летописи. Исключение составляло лишь одно место, где описывается конец новогрудской династии. Здесь во второй редакции Литовской летописи имелось неясное упоминание о Вайшалгасе — по некоторым рассказам, якобы сыне последнего новогрудского князя Римгаудаса: *«И пришед до Новагородка, и рознеможеся, и умре без плоду; тот ся доконал род княжати римского Палемона. А иныи поведають, рекучи: и тот Ринкголт, пришодши з оного побоища до Новагородка, и был у Новегородцы и уродил трех сынов, и зоставит по себе на великом кнеженю Новгородском Воишвилка, и сам умре. Ино далеи о том Воишвилке и не пишет»* [37]. Это было смутным отражением реальной истории — Вайшалгас действительно княжил в Новогрудке. Однако ошибочность его родственной связи с Римгаудасом была очевидна даже автору Хроники Быховца. Он-то точно знал, что отцом Вайшалгаса был Миндаугас.

И все-таки автор Хроники Быховца воспользовался этим местом, чтобы «привязать» Миндаугаса к легендарному тексту летописи. Вопрос о родстве он решил просто — «втиснул» Миндаугаса между Римгаудасом и Вайшалгасом. Таким нехитрым способом он превратил Миндаугаса в сына Римгаудаса и сделал его новогрудским князем: *«Y zyl* [Ryngolt] *mnoho let na Nowohorodcy, y umre, a po sobi zostawil syna swoieho na kniazenij Nowhorodskom Mindowha. Y panuiuczy welikomu kniaziu Mindowhu na Nowohorodcy y na ruskich horodach, y naczal zbiwaty plemia swoie»* [38, с. 132]. Далее следует рассказ Ипатьевской летописи. Фраза *«Y tut sia dokonal rod kniazaty rymskoho Polemona»* [38, с. 134] перенесена в конец вставки, после описания смерти Вайшалгаса. В этой нехитрой операции нет смысла искать ни исторической традиции, ни идеологической подоплеки. Просто фрагмент Ипатьевской летописи нужно было куда-нибудь вставить — и эта чисто техническая проблема породила миф о столице Миндаугаса в Новогрудке.

Хроника Быховца после этой вставки столицу Литвы снова возвращает в Кернаве. В конце концов Гедиминас переносит столицу Литвы из Кернаве в Вильнюс [38, с. 134–138]. Так что в исторической традиции только Кернаве и Вильнюс известны как столицы Литвы. Но вряд ли это означает, что Кернаве действительно была столицей. Здесь, вероятно, мы имеем дело всего лишь с искаженной исторической традицией о Кернавском княжестве (Литве Завилейской). Автор Хроники, судя по его знанию местной традиции о Девилтаве (Дялтуве), о культе Паяуты в Жасляй и т.п., был уроженцем окрестностей Кернаве и местную традицию о Кернаве как столице данного региона перенес на всю Литву.

Миф о Новогрудке был подхвачен Мацеем Стрыйковским и получил широкое распространение благодаря популярности его Хроники (1582 г.) [39], которая была первой печатанной историей Литвы и основным источником информации о литовской истории в течение 250 лет. Сочинители более поздних хроник и историй следовали М.Стрыйковскому («Хроника Литовская и Жамойтская» XVII в., «История Литвы» Альберта Виюка-Кояловича 1650 г. и др.) [40]. Его версия истории Литвы стала традиционной. Вместе с тем прочно укоренился миф о Новогрудке как о древней столице Литвы.

Первые представители критической историографии, во многих случаях высокомерно относившиеся к легендам М.Стрыйковского и литовских летописей, в данном случае засомневались. Миндаугас ведь — исторический деятель, так, может быть, и «традиция» о его столице имеет историческую основу? Версия Хроники Быховца оказалась такой живучей, что на некоторых историков оказывает влияние даже сейчас, хотя в 1907 г. были опубликованы все важнейшие списки Литовской второй летописи, по которым прослеживается искусственность «привязывания» Миндаугаса к легендарному новогрудскому князю Римгаудасу.

В столичность Новогрудка верили многие историки, в том числе и литовские. Предпринимались попытки модифицировать легенду — например, признание лишь коронации Миндаугаса в Новогрудке [41, с. 157, 178], отвергая столичность Новогрудка. Это — попытка примерить факты и легенду, не разобравшись в истоках легенды. Здесь проявляется сила традиции, унаследованная от М.Стрыйковского.

В Беларуси вера в столичность Новогрудка стала восприниматься как аксиома, не требующая доказательств. М.Ермалович и другие историки на этом недоразумении построили свои теории о белорусском характере средневековой Литвы [42]. И, к сожалению, «строительство» на этом фундаменте продолжается даже в работах, претендующих на академический статус. Алесь Кравцевич написал книгу о генезисе ВКЛ, один из главных выводов которой следующий: *«началом ВКЛ стал заключенный около 1248 г. союз восточнославянского города Новогрудка с балтским нобилем Миндовгом»* [43, с. 174]. Однако он не привел ни одного доказательства столичности Новогрудка. Автор даже не повторил легенд М.Стрыйковского и счел возможным этот вопрос вообще обойти молчанием.

Выводы

Версия о столице Литвы в Новогрудке в современной научной историографии — пройденный этап. Она совершенно необоснованна и противоречит достоверным историческим данным. Остается сожалеть, что до сих пор она всплывает на поверхность, вводит в заблуждение общественность и некоторых исследователей.

В реальной истории Новогрудка отразились сложные отношения Литвы и Руси в начале литовской экспансии. Новогрудок стал первой и главной опорой литовской власти на Руси. Здесь вырабатывались те отношения, на основании которых строились контакты Литвы с другими подвластными территориями Руси. Это, с одной стороны, жесткое подавление сопротивления, недоверие к князям нелитовского происхождения, с другой стороны, принятие православия литовским князем, терпимость к местным традициям, поиски способов интегрировать русские территории в Литовское государство. В итоге этот сложный процесс сближения Литвы и Руси именно в Новогрудской земле продвинулся дальше всего.

Список литературы

1. Łowmiański H. Studia nad początkami społeczeństwa i państwa litewskiego. — Wilno, 1932. — T. 2. — S. 109; Paszkiewicz H. Jagiellonowie a Moskwa. — Warszawa, 1933. — T. 1: Litwa a Moskwa w XIII i XIV wieku.

2. Краўцэвіч А. К. Стварэнне Вялікага княства Літоўскага. — Мн., 1998; Арлоў У., Сагановіч Г. Дзесяць вякоў беларускай гісторыі: 862–1918. Падзеі. Даты. Ілюстрацыі. — Вільня, 2000.

3. Зверуго Я.Г. Верхнее Понеманье в IX–XIII в. — Мн., 1989.

4. Татищев В.Н. История Российская. — М.–Л., 1962. — Т. 2.

5. Новгородская четвертая летопись // ПСРЛ. — Петроград, 1915. — Т. 4. — Ч. 1. — Вып. 1.

6. Софийская первая летопись // ПСРЛ. — С-П., 1851. — Т. 5.

7. Paszkiewicz H. Regesta Lithuaniae ab origine usque ad Magni Ducatus cum Regno Poloniae unione = Regesta źródłowe do dziejów Litwy od czasów najdawniejszych aż do unii z Polską. Varsoviae, 1930. T. 1: Tempora usque ad annum 1315 complectens.

8. Новгородская первая летопись. — М.–Л., 1950.

9. Лысенко П.Ф. Туровская земля в IX–XIII в. — 2-е изд. — Мн., 2001.

10. Ипатьевская летопись // ПСРЛ. — С-П., 1908. — Т. 2.

11. Грушевский М. Хронольогія подій галицько-волиньскої лїтописи // Записки Наукового Товариства імени Шевченка. — 1901. — Т. 41. — Кн. 3.

12. Baranauskas T. Lietuvos valstybės ištakos. — Vilnius, 2000.

13. Экземплярский А.В. Великие и удельные князья северной Руси в татарский период с 1238 по 1505 г.: Биографические очерки по первоисточникам и главнейшим пособиям. — С-П., 1889. — Т. 1.

14. Летопись Красинского // ПСРЛ. — М., 1980. — Т. 35. — С. 129; Евреиновская летопись // ПСРЛ. — Т. 35. — С. 215; Летопись Рачинского // ПСРЛ. — Т. 35. — С. 146; Ольшевская летопись // ПСРЛ. — М., 1980. — Т. 35. — С. 174; Румянцевская летопись // ПСРЛ. — Т. 35. — С. 194.

15. Łowmiański H. Uwagi o genezie państwa litewskiego // Przegląd Historyczny. — Warszawa, 1961. — T. 52. — Zesz. 1.

16. Джиованни дель Плано Карпини. История монголов; Пер. А.И.Малеина. — М., 1957.

17. Preußisches Urkundenbuch. Politische Abtheilung (далее — PUB). — Königsberg, 1882. — Bd. 1, Hälfte 1.

18. Лаврентьевская летопись // ПСРЛ. — Л., 1926. — Т. 1. — С. 472; Тверская летопись // ПСРЛ. — С-П., 1863. — Т. 15. — Стб. 395; Gudavičius E. Kryžiaus karai Pabaltijyje ir Lietuva XIII amžiuje. — Vilnius, 1989. — P. 93.

19. Jakubowski J. Mapa wielkiego Księstwa Litewskiego w połowie XVI wieku. I. Część północna. — Kraków, 1928.

20. Гудавичюс Э. «Литва Миндовга» // Проблемы этногенеза и этнической истории балтов: Сб. статей. — Вильнюс, 1985. — С. 224; Gudavičius E. Mindaugas. — Vilnius, 1998. — P. 155–156, 236.

21. Грушевський М. Історія України-Руси. — Вид. 2-е, розширене. — Львів, 1907. — Т. 4: XIV–XVI віки — відносини полїтичні; Пашуто В.Т. Образование Литовского государства. — М., 1959. — С. 380.

22. PUB. Königsberg, 1909. Bd. 1. Hälfte 2. S. 33–35 (N. 39).

23. Atskaňu hronika = Livländische Reimchronik / V. Bisenieka atdzejojums, Ģ. Mugurēviča piekšvārds, Ģ. Mugurēviča, K. Klaviņa komentari. Rîgâ, 1998. Lpp. 130 (строки 4115–4118), 179 (строки 6350–6353), 180 (строки 6399–6402).

24. Atskaňu hronika = Livländische Reimchronik. Lpp. 138 (строки 4466–4467), 159 (строки 5445–5446), 258 (строки 9965–9966).

25. Ochmański J. Uwagi o Litewskim państwie wczesnofeudalnym // Roczniki Historycznie. — 1961. — R. 27.

26. Błaszczyk G. Dzieje stosunków polsko-litewskich od czasów najdawniejszych do współczesności. — Poznań, 1998. T. 1: Trudne początki.

27. Гаучас П. К вопросу о восточных и южных границах литовской этнической территории в средневековье // Балто-славянские исследования. 1986: Сборник научных трудов. М., 1988. — С. 210–211; Dubonis A. Lietuvos didžiojo kunigaikščio leičiai : iš Lietuvos ankstyvuju valstybiniu strukturu praeities. — Vilnius, 1998. — P. 75–76.

28. Jablonskis K. Lietuviški žodžiai senosios Lietuvos raštiniu kalboje. — Kaunas, 1941. — D. 1.

29. Голубинский Е. История русской церкви. — М., 1900. — Т. 2.

30. Gedimino laiškai / parengė V. Pašuta ir I. Stal = Послания Гедимина / Подготовили В.Т.Пашуто и И.В.Шталь. — Вильнюс, 1966. — С. 24–25, 30–31; Nikzentaitis A. Nuo Daumanto iki Gedimino: ikikrikščioniškos Lietuvos visuomenės bruožai // Acta Historica Universitatis Klaipedensis. — Klaipėda, 1996. — T. 5. — P. 111.

31. Peter von Dusburg. Chronicon terrae Prussiae //SPR. — Leipzig, 1861. — Bd. 1. — S. 180/

32. Wigand von Marburg. Die Chronik / herausgegeben von Theodor Hirsch // SRP. — Leipzig, 1863. — Bd. 2.

33. Die littauischen Wegeberichte // SRP. — Leipzig, 1863. — Bd. 2/

34. Спиридонов М.Ф. «Литва» и «Русь» в Беларуси в XVI в. // Наш Радавод. — Гродна, 1996. — Ч. 7.

35. Пазнякоў В. У пошуках Белай Русі // Полымя. — 2001. — № 11. — С. 270; Reklaitis P. Prarastosios Lietuvos pedsakš beieukant. — Vilnius, 1999. — P. 260–263.

36. Jasas R. Bychovco kronika ir jos kilme // Lietuvos metraštis. Bychovco kronika — Vilnius, 1971.

37. Летопись Археологического общества // ПСРЛ. — М., 1980. — Т. 35. — С. 91–92; Летопись Красинского // ПСРЛ. — М., 1980. — Т. 35. — С. 129–131; Летопись Рачинского // ПСРЛ. — Т. 35. — С. 146–149; Ольшевская летопись // ПСРЛ. — М., 1980. — Т. 35. — С. 174–177; Румянцевская летопись // ПСРЛ. — Т. 35. — С. 194–197; Евреиновская летопись // ПСРЛ. — Т. 35. С. 215–218.

38. Хроника Быховца // ПСРЛ. — М., 1975. — Т. 32.

39. Stryjkowski M. Kronika Polska, Litewska, Żmódzka i wszystkiej Rusi. — Warszawa, 1846. — T. 1.

40. Хроника Литовская и Жмойтская // ПСРЛ. — М., 1975. — Т. 32; Vijukas-Kojelavičius A. Lietuvos istorija. — Vilnius, 1989. — P. 103.

41. Ivinskis Z. Lietuvos istorija: iki Vytauto Didžiojo mirties. — Roma, 1978 (репринт: Vilnius, 1991).

42. Ермаловіч М.І. Па слядах аднаго міфа. — Мн., 1989.

43. Краўцэвіч А. К. Стварэнне Вялікага княства Літоўскага. — Мн., 1998.